Елена Федотова
(Москва)

Еврейская тема в философии Николая Бердяева и церковная доктрина антииудаизма

Тайна всякой индивидуальности узнается лишь любовью, и в ней всегда есть что-то непостижимое до конца, до последней глубины.

Николай Бердяев. “Русская идея”

В какой-то степени эта работа родилась как попытка ответить на вопрос, который мне задали несколько лет назад в связи с моим докладом о Вл. Соловьеве. Суть вопроса, как я ее поняла, можно сформулировать следующим образом: “Вот Вы говорите, Соловьев — замечательный мыслитель, большой души человек, всегда защищал евреев и даже делал какие-то попытки взглянуть на еврейскую жизнь изнутри,— но что он писал о евреях? Еврейское засилье в экономике Европы, еврейский меркантилизм и т.д. Как можно все это совместить?”

В действительности вопрос намного глубже, чем это кажется на первый взгляд; ответить на него исчерпывающим образом — совсем не простая задача. Раздумья привели меня к выводу, что в этой связи было бы полезно рассмотреть творчество Н. А. Бердяева, поскольку именно у этого автора (может быть потому, что он никогда не боялся противоречий) на поверхность выходит то, что у других мыслителей и богословов так или иначе — затушевано. Таким образом, проследив за отношением Бердяева к “еврейскому вопросу”, мы можем подойти к раскрытию более широкой проблематики.

Если судить по сравнительно небольшому количеству работ Бердяева, специально посвященных “еврей-

скому вопросу" (не считая отдельных высказываний), а также учесть, что названия этих статей[1], как правило, не фигурируют в списках "основных работ" философа, то легко прийти к мысли, что "еврейский вопрос" не имел для него принципиального значения. Однако если всмотреться немного глубже, становится очевидным, что тема еврейства занимает органическое, можно даже сказать — необходимое место в философии Бердяева.

Явные предпосылки внимания к "еврейскому вопросу" у Н. А. Бердяева таковы: Бердяев признает центральную (и роковую!) роль еврейства в мировом историческом процессе; он видит особую и непрерывно действующую в истории миссию еврейского народа; мистическая судьба евреев, по Бердяеву — и историческая, и метафизическая одновременно,— присутствует в ней и как исторический феномен, и как сущностный ноумен[2].

Посмотрим теперь, на каком богословском основании строит Бердяев свое отношение к евреям. Можно заметить, что Бердяев — в высшей степени оригинальный мыслитель, автор нескольких исключительно своеобразных философских концепций,— в области богословия особенно сильным не был, что признают и некоторые исследователи его творчества[3]. В частности, в его богословских построениях по поводу иудаизма в целом не содержится ничего особенно выдающегося и оригинального. Почти все здесь достаточно традиционно: евреи — материалисты; они отвергают идею посмертной жизни души; в результате все их интересы не выходят за земные рамки. Не сумев принять идею *распятого Мессии*, они отвергли и распяли Его — перестав, вследствие этого, быть *народом Божьим*[4].

Иными словами, за отправную точку Бердяев берет традиционное учение Церкви, которое складывалось со II по IV вв. н.э., начиная, по-видимому, со свт. Мелитона Сардийского, в пасхальной проповеди которого (конец

II в.) красочно обрисовано, как слепой и мятежный Израиль убивает своего Спасителя[5].

Но если всё так традиционно, что же тогда интересного во взглядах Бердяева? На самом деле интересны, как всегда, противоречия. Есть определенное противоречие между отношением к евреям Бердяева-человека и Бердяева-богослова. Повторюсь: Бердяев не боялся ни дуализма, ни антиномичности, ни даже просто логических несоответствий; сама логика для него — лишь та данность падшего мира, которую следует преодолевать в свободе мистического опыта. Однако в нашем случае противоречие выходит за пределы бердяевской *динамики развития* и корни его, как кажется, более общекультурные.

Коротко говоря, отношение к евреям у Бердяева строится по принципу религиозного противостояния при неприятии расового подхода. Хотя концепт *расы, нации* очень значим для Бердяева, но расовый антисемитизм он отвергает в принципе. Он говорит о "неправде" Достоевского, который "травил поляков и евреев", и о "христианской правде" Вл. Соловьева, признававшего за евреями право на собственный путь во "всечеловечество", к которому они также принадлежат[6]. Вообще говоря, *национальное, национальная культура* — это понятия, которые хорошо вписываются в бердяевскую антиномию Единого и множественного, в его "моноплюрализм"[7]. И хотя Бердяев не считает евреев обычной нацией, тем не менее он признает за ними право на национальную самобытность, на некое "национальное лицо", не всегда приятное для славянина (или христианина), но отнюдь не демоническое, стоящее, в общем, в ряду других "национальных лиц", и ничто в этом (как и в любом другом) "национальном лице" не оправдывает расизма: "Ненависть к целому народу есть грех, есть человекоубийство, и ненавидящий должен нести ответственность"[8]. Далее, Бердяев отмечает, что расовый подход не оставляет человеку свободы, с необходи-

мостью прикрепляя к нему некий статус, от которого невозможно освободиться[9].

Очевидно, что здесь мы видим не просто ощущение несправедливости. Антиномия *свободы* и *необходимости* занимает осевое положение в философии Бердяева; примат свободы — это еще и центр его личностного мироощущения. *Свобода* всегда была для Бердяева не просто философской категорией, его "основной философской интуицией", но и жизненным принципом. Как его только ни называли в связи с этим: "апостол свободы", "фанатик свободы", "рыцарь свободного духа", "философ трагической свободы" и даже "пленник свободы"[10]. Неудивительно, что для такого человека органически невозможно было принять мысль о пленении духа, о лишении свободы человека или целого народа. По его словам, "расизм есть крайняя форма детерминизма и отрицания свободы духа"[11].

Бердяев, непримиримый персоналист, очень тонко ощутил, что антисемитизм в первую очередь связан с оскорблением, унижением достоинства человека. Проблемы массового физического уничтожения евреев (Холокоста) Бердяев, видимо, не успел осознать и отрефлексировать, но оскорбление личности он чувствует остро и принять не может. Глубоким сочувствием дышит его фраза о том, что история евреев — "это история гонений и отрицания элементарных человеческих прав"[12].

Еще одно возражение против расового антисемитизма, может быть, теоретически наиболее существенное для Бердяева, заключается в том, что антисемитизм недопустим с христианской точки зрения, "он непримиримо сталкивается с христианским универсализмом… христианство провозгласило ту истину, что нет эллина и нет иудея"[13].

Но как факт Бердяев отмечает, что христиане гонят евреев: "Антисемитизм в прошлом был создан, главным образом, христианами, для которых он наиболее

невозможен". Христиане ведут себя не по-христиански. "Между евреями и Христом стоят христиане"[14].

Можно задать себе вопрос: не стоит ли некая закономерность за двухтысячелетним массовым преследованием евреев в Европе? Да, для Бердяева эта закономерность существует и обусловлена она сущностным противоположением христианства и иудаизма. Практически прямо от тезиса о недопустимости антисемитизма для христиан он переходит, по сути, к антитезису, т.е. к теоретическому оправданию антисемитизма с религиозной точки зрения. "Антисемитизм не понимает всей религиозной серьезности *еврейского вопроса*". Иными словами, все гораздо серьезнее, т.е. еще хуже, чем думают антисемиты. Согласно Бердяеву, антииудаизм внутренне и необходимо присущ христианству. "Христианская история находится во внутренней борьбе с еврейским духом" [15].

У Бердяева "еврейский дух" — это ложный еврейский мессианизм, исходящий из идеи религиозной исключительности еврейского народа (в противовес христианскому универсализму); это ложная цель — спасение на земле (в противовес христианскому Царству Небесному); это отвержение Христа (явление Которого есть центр мировой истории); это "ветхозаветная этика закона", "садистическая по своей природе" (в противовес христианской "этике искупления", благодатной этике любви и всепрощения[16]); это грубый материализм как следствие всего перечисленного (в противовес христианской духовности). В целом — "это отрицание свободы духа во имя принудительного осуществления царства Божьего на земле"[17]. И центр всех обвинений — богоубийство.

Да, по Бердяеву, христианство связано с иудаизмом; без евреев не было бы самой христианской истории; без отвержения Голгофы не было бы Голгофы. Но христианство обязано бороться с этим еврейским духом, с ветхозаветным наследием, прежде всего — в себе са-

мом, очищаться от него[18]. И окончательное разрешение "еврейского вопроса" возможно только в эсхатологической перспективе; иными словами, евреи мистически сохраняются в истории как евреи только для того, чтобы в конечном акте мировой драмы перестать ими быть, перейти на сторону христиан в их борьбе с мировым злом, т.е. антихристом[19]. В этом тезисе чувствуется явное влияние Вл. Соловьева.

Но все это, по мысли Н. А. Бердяева, не должно вести христиан к антисемитизму. "Никакой вульгарный антисемитизм не может быть оправдан религиозным постижением судьбы еврейства"[20]. Однако в сущности Бердяеву претит только *вульгарный* антисемитизм; на деле же почти каждое упоминание о евреях в его работах — это религиозно оправданный, теоретический — но *антисемитизм*. И как-то при всем своем тонком чувствовании иных вещей Бердяев не ощущает, что это и есть основа и оправдание "вульгарного" (т.е. народного, бытового) антисемитизма. Действительно, пусть хоть один христианин объяснит, как можно любить людей, виновных, пусть опосредовано, в смерти Христа и настаивающих до сих пор на Его отвержении? Или, к примеру: как можно не распознать ведущей роли евреев в русской революции, если "социализм как некое всемирно-историческое начало имеет юдаистический источник… связанный с эсхатологическим мифом еврейского народа"?[21]

Мне хотелось бы теперь на время оставить Н. А. Бердяева и внимательнее присмотреться к тому, какую роль играет антииудейская церковная доктрина, на которой он основывается, в становлении некоторых черт европейской культуры.

Сама неистребимость евреев и неизбывность "еврейского вопроса" наводит на мысль, что евреи зачем-то очень нужны Европе. "Мистическое" выживание еврейства, которое, по Бердяеву, невозможно объяснить материалистически, на мой взгляд, не только легко

объясняется именно с таких позиций, но и очень многозначительно само по себе.

Действительно, исторически евреи Европы (и России) несколько раз проявили большую готовность к ассимиляции и даже достигли здесь немалых успехов, но им просто не дали далеко зайти на этом пути. Достаточно вспомнить, как преследовали уже ассимилированных евреев в средневековой Испании, гитлеровской Германии и советской России. В результате подобных масштабных акций те слои еврейского населения, которые были готовы и способны к ассимиляции, возвращались в лоно еврейства. Если абстрагироваться от мистического аспекта этой ситуации (поскольку мистика не может быть предметом научного исследования) и сосредоточиться на материалистическом аспекте, то нельзя не признать, что описанная политика имеет определенный смысл, а поэтому должна быть обдуманной и целенаправленной.

Чтобы все это лучше понять, полезно обратиться к области социальной психологии. Еще К. Лоренц[22] показал, что любая социальная группа, как у животных, так и у Homo Sapiens, состоит из индивидуумов, которым онтологически присуще взаимное отталкивание, связанное с инстинктом внутривидовой агрессии. В нормальном и свободном своем проявлении этот инстинкт приводит к равномерному распределению конкурирующих особей по ареалу. Таким образом, чтобы социум в принципе мог образоваться, требуются силы, которые связывали бы потенциально способных к конкуренции особей друг с другом — вопреки инстинкту агрессивного поведения. По Лоренцу, в этом качестве частично выступают ритуализованные нормы социального поведения, присущие данной группе (нации, культуре, религиям, политическим партиям и более мелким группировкам).

Но это не снимает проблему до конца; инстинкт неуничтожим, он не может не проявляться, и наиболее частый выход (не скажу — единственный, но наиболее час-

тый) — перенаправить его вовне, на объект, находящийся вне группы, но достаточно близко, потому что если интересы этого объекта вообще не пересекаются с интересами группы, агрессия не имеет особого смысла[23].

Получается неутешительный вывод: дружеские компании (или партии единомышленников) способны устойчиво существовать только в виду "образа внешнего врага". Таким образом, ксенофобия не есть позорное наследие исторической дикости, а напротив, фактически — это основа любой организованной социальности. Требования к "образу врага" я уже назвала: он должен быть чужим, но находиться близко. (Острее всего враждуют, как известно, соседи, и патологически остро — родственники, делящие наследство.) В этом смысле евреи, рассеянные по всему миру, всегда были идеальными врагами для всех — всем соседи и всем чужие.

Для исторической христианской Церкви вражда с евреями имеет особый смысл. Здесь не место погружаться в историю Церкви, но надо отметить, что противостояние, а затем вражда к иудаизму и иудеям началась, по-видимому, все-таки не с момента Голгофы, а в самом конце I в. и более серьезно — во II в. Однако, начавшись, война с евреями (обострение которой последовало в IV в.) вылилась не в уничтожение евреев, а в их сохранение — как того самого (уже безопасного) общего врага, один вид которого приводит к сплочению собственных рядов. Тем самым "военные действия" продолжаются; цель их прозрачна (в свете всего вышесказанного), но метод противоречив: фактически, христианская Европа, эксплуатируя христианскую доктрину (подчеркну: не догму, неизменную по определению, а доктрину, ценность которой нужно еще обсуждать), постоянно ведет антихристианскую политику по отношению к евреям. Здесь скрыто противоречие между церковной доктриной, веками определяющей психологию европейца и политику европейских властей, с

одной стороны,— и христианскими ценностями, с другой. Очевидно, что без пересмотра доктрины этого противоречия не преодолеть никакими призывами “вести себя по-христиански”.

Далее, если мы вслед за Й. Хейзингой[24] исследуем игровые характеристики европейской культуры, то естественно придем к выводу, что в ее основе лежат вовсе не христианские ценности, в чем нас постоянно уверяют, а по сути противоречащий им “рыцарский идеал” (столь превозносимый Бердяевым как знак “мужественности” культуры). Но что представляет собой этот идеал? Коротко говоря — это поиск чести в честной борьбе. Согласно “рыцарскому идеалу”, настоящая война требует сакрализации и благородных целей, а военные действия производятся строго по правилам — но только с равным противником; в ином случае соблюдение правил не обязательно.

Христианский налет на “рыцарском идеале”, в соответствии с универсализмом христианства, превращает в партнера (или “турнирного противника”) *человека вообще*, вернее — члена христианского мира. Таким образом, понятие *человек* в христианстве, расширяясь, упирается в свое естественное ограничение под названием *еврей*. И выходит, что церковный антииудаизм даже в большей (и более неотвратимой) степени, чем расовый антисемитизм выводит еврея за пределы понятия *человек*, лишая его тем самым статуса *человека*, т.е. того, с кем недопустима нечестная игра. Само слово “еврей” перестает быть этническим определением и начинает обозначать “недочеловека”, “противочеловека”, поступать с которым можно и нужно — соответственно.

Все согласятся с тем, что это очень удобно, и отказаться от претендента на такую замечательную роль — роль громоотвода — в различных социальных играх (политических, экономических, психологических) было бы непростительным легкомыслием со стороны любых властей.

И вот евреи Европы обретают свою “мистическую” судьбу, многократно желая выйти из этой игры, но не имея практически такой возможности, потому что антисемитизм всевозможных мастей постоянно, так или иначе, возвращает их обратно. Я не рискну утверждать, что если бы не антисемитизм, евреев к настоящему моменту вовсе бы не осталось; всегда существуют круги, для которых национальная идентичность и сохранение традиции представляют большую ценность. Однако не подлежит сомнению, что при отсутствии антисемитизма ассимиляция была бы гораздо более глубокой и быстрой. А в основе, как оправдание и сакрализация “войны” с евреями (войны, которая не уменьшает, а наоборот, поддерживает численность “еврейской популяции”) лежит доктрина церковного антииудаизма, в первую очередь — идея “богоубийства”.

Если мы теперь вернемся к Н. А. Бердяеву, то увидим, что в его идеях евреи играют ту самую роль — роль естественного ограничения нормального человеческого мира, хотя бы теоретически предназначенного к спасению,— мира, разумеется, христианского.

Бердяев — боец по духу своему. Публицистика занимает в его жизни, наверно, не меньше места, чем философия. Бердяев постоянно борется с опасностями, которые, как он думает, угрожают России, русскому народу, русскому духу: тут и Розанов, и пассивность, и отсутствие рыцарства, и “мистика народной стихии”, и “православие без Христа” — в том числе, “юдаизм в христианстве”. И все враги, все опасности, как можно заметить, имеют одно лицо: это преобладание плоти над духом, женского над мужским, язычества (или ветхозаветного, что у Бердяева часто отождествляется с язычеством[25]) над христианством, “влажного и мягкого”, расслабляющего — над “огнем духа”.

Все отрицательные характеристики из упомянутых выше Бердяев относит к евреям и иудаизму. Таким образом, в бердяевских построениях еврей — тот самый

враг, по отношению к которому надо противоопределиться, от которого надо оттолкнуться, чтобы прийти к решению своей задачи. *Еврей* так же необходим для бердяевского богословия, как и для европейского. Должно быть, именно этим объясняется тот факт, что в запале полемики Бердяев вовсе не чувствует здесь никакого противоречия: достаточно призвать христиан "вести себя по-христиански" — и продолжать рисовать им "образ врага Христа", не оставляя фактически выбора и возможности "вести себя по-христиански".

Бердяев видит одну из причин антисемитизма в "мистическом страхе перед евреями", но отмахивается от нее, приписывая склонность к подобным страхам людям "низкого культурного уровня, которые легко заражаются самыми нелепыми и низкопробными мифами и легендами"[26]. Мы знаем, что это не совсем так, и своим широким распространением "мистический страх перед евреями" в основе своей обязан как раз антииудейской церковной доктрине.

Все это остается за пределами бердяевских рассуждений.

Но как бы то ни было, напрашивается единственный вывод: проблему невозможно разрешить без принципиального пересмотра христианами своего отношения к евреям и иудаизму, и, как мне кажется, в первую очередь — к основе учения, определяющего традицию: к обвинению евреев в богоубийстве.

Проблемы антииудейского характера некоторых церковных доктрин были осознаны уже много после Бердяева; особенную озабоченность этой темой христианские богословы проявили в ходе иудео-христианского диалога. Проблема роли христианского учения в преследовании евреев и, в конце концов, в Холокосте, попала в поле зрения богословов, и реакция была очень резкой и болезненной. Одна из работ Розмари Р. Рютер так и называется: "Вера и братоубийство: богословские корни ан-

тисемитизма" (*Faith and Fratricide: The Theological Roots of Anti-Semitism.* N.Y., 1974). Многие видят выход в пересмотре основ христианского вероучения, самой догматики (христологии, сотериологии и т.д.) — что есть фактически отказ от христианства. И возникает вопрос: действительно ли нужно перестать быть христианином, чтобы по-христиански или хотя бы по-человечески относиться к евреям? Действительно ли неприятие еврейства и иудаизма заложено в самую суть христианской веры?

Ответ на этот вопрос — отдельная тема; и разумеется, разные люди дадут разные ответы. Но в конце концов, христианское богословие базируется на том, что́ различные идеологи извлекают из новозаветного текста, поэтому в первую очередь следует обратить внимание на исследование Нового Завета в связи с вопросом: в какой степени оправданным является утверждение, что Новый Завет содержит обвинение евреев в богоубийстве? Здесь у нас нет времени для подробного анализа этой проблемы и путей ее решения, поэтому я ограничусь ссылкой на частные результаты собственного исследования[27]. Предложенный в данной статье подход намечает лишь некоторый путь к разрешению противоречия между призывом "вести себя по отношению к евреям по-христиански", который неоднократно раздавался из уст лучших представителей христианской мысли,— и возможностью для христиан реально исполнить этот призыв.

Elena Fedotova
(Moscow)

Jews and Judaism in Berdyaev's Philosophy and Christian Anti-Judaism

We have to note that Berdyaev's position in relation to the Jews was not free from certain contradictions. On the one hand, N. Berdyaev, the great Russian and European Christian philosopher, rejects

totally racial anti-Semitism; this rejection is a consequence both of his personality and of certain traits of his philosophy such as the priority of freedom, his profound respect for the rights of the nations, his high evaluation of the human personality, and his appeal to Christian values. On the other hand, Berdyaev in principle sets off Christianity against Judaism; in the religious aspect, the Jews remain the enemies of Christ and Christians. This concept results from the Church teaching of anti-Judaism which was elaborated with the fathers of the Church during the period II—IV C. A.D.

Indeed, it can be shown that this Church teaching, in more measure than racial anti-Semitism, deprives the Jew of the status of a human being and thus sanctions any arbitrariness in relation to the Jews. The Holocaust was, to a certain extent, the result of this ideology, which became firmly established among the Europeans. In this context Christians are forced to choose between the two conflicting options: to love the Jews, as it is required by the Christian tradition, or to hate them as the enemies of Christ and Christianity.

Berdyaev does not notice this contradiction, and so his appeal to the Christians to conduct themselves as the Christians is invalid.

Really, this contradiction could be solved by the only way: the Christian theologians are to revise the teaching of anti-Judaism, first of all — the idea of exclusive guilt of the Jews in "deicide" (which is not at all a dogmatic assertion of the Christian faith) — and change their relation to the Jews on this basis. This way is more acceptable for Christianity than changing of the Christian dogmatic assertions as some theologians in the Jewish-Christian dialogue propounded it.

1 Бердяев Н. А. *Судьба еврейства // Тайна Израиля.* СПб., 1993. С. 309—325; он же. *Христианство и антисемитизм //* Там же. С. 325—342. В настоящей статье, как правило, работы Н. А. Бердяева цитируются по новым изданиям, более доступным для читателя.

2 Бердяев Н. А. *Судьба еврейства.* С. 309—310; Бердяев Н. А. *Философия свободы //* Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества.* М., 1989. С. 148—154.

3 Левицкий С. А. *Очерки по истории русской философии.* М., 1996. С. 360—364, 377.
4 Бердяев Н. А. *Судьба еврейства.* С. 313—323.
5 Свт. Мелитон Сардийский. *О Пасхе* / Предисл., пер. и коммент. С. Говоруна. Киев, 1998. С. 60—67 (72.523 — 90.679).
6 Бердяев Н. А. *Душа России* // Бердяев Н. А. *Судьба России.* М., 1990. С. 16, 18.
7 Бердяев Н. А. *Смысл творчества* // Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества.* М., 1989. С. 259—260.
8 Бердяев Н. А. *Христианство и антисемитизм.* С. 328.
9 Там же. С. 330.
10 Левицкий С. А. *Очерки по истории русской философии.* С. 361, 375—376; Spinka M. *Nicolai Berdyaev. A Captive of Freedom.* Philadelphia, 1950; Vallen N. *An Apostle of Freedom.* N.Y., 1960; Nucho F. *Berdyaev's Philosophy. The Existential Paradox of Freedom and Necessity.* London, 1962. P. 34.
11 Бердяев Н. А. *Христианство и антисемитизм.* С. 330.
12 Там же. С. 326.
13 Там же. С. 329.
14 Там же. С. 327, 340.
15 Бердяев Н. А. *Судьба еврейства.* С. 324.
16 Бердяев Н. А. *О назначении человека. Опыт парадоксальной этики.* Париж, 1931. С. 28—42.
17 Бердяев Н. А. *Судьба еврейства.* С. 323.
18 Бердяев Н. А. *Судьба еврейства.* С. 260—261.
19 Бердяев Н. А. *Судьба еврейства.* С. 325.
20 Там же. С. 325.
21 Там же. С. 317.
22 Лоренц К. *Агрессия.* М., 1994. С. 63—143, 233—251.
23 Конечно, существует и другой способ, более человеческий — трансформировать агрессию в творчество, в том числе — религиозное, но, к сожалению, он применяется заметно реже.
24 Хейзинга Й. *Homo ludens* // Хейзинга Й. *Homo ludens. В тени завтрашнего дня.* М., 2004. С. 9—338.
25 Бердяев Н. А. *Философия свободы.* С. 148—154.
26 Бердяев Н. А. *Христианство и антисемитизм.* С. 328—329.
27 Федотова Е. Я. *Евангельское Повествование о Страстях как типология иудейского ритуала жертвоприношений // Материалы XIII ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике.* Ч. 1. М., 2006. С. 58—65.